

12+

Александр Кестер

Социальный инстинкт: исповедь ушельца

Александр Кестер

**Социальный инстинкт:
исповедь ушельца**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Кестер А. Н.

Социальный инстинкт: исповедь ушельца / А. Н. Кестер —
«ЛитРес: Самиздат», 2011

В неназванной стране принят закон «О праве на жизнь», гарантирующий желающим добровольную и достойную смерть. Власти вживляют чип, который, помимо хранения паспортных данных, считывает и показатели здоровья. Немощным и пенсионерам предлагают: "Впиши свое имя в историю страны!", ведь пенсии и пособия платить нечем. Согласившихся на эвтаназию селят в роскошные пансионаты с парками и бассейнами, дают год, чтобы записать важные воспоминания, «отдохнуть перед дорогой», и — отправится в «жизнь вечную», освободив экономику от бремени собственной жизни. Они и есть - ушельцы. А желающие дождаться естественной смерти прозябают в огороженных гетто из развалюх, им гарантированы баланда и дезинфекция раз в неделю. Было? Было что-то в классических антиутопиях, что-то в романе «Акимуды» Виктора Ерофеева. Однако, Герой рассказа «Социальный инстинкт» спасается в собственном детстве, безответственном и беспоследственном, и переносит читателя от воспоминаний детства в условное недалекое будущее.

Содержание

ПУШИСТЫЙ ОХОТНИК	5
УШЕЛЕЦ	6
ЛИНДА	9
ПРАВО НА ЖИЗНЬ	10
ЭПИЛОГ	11

ПУШИСТЫЙ ОХОТНИК

Возле дачного домика, где я провожу большую часть лета, бродит кот: совершенно чёрный, упитанный, морда круглая и выразительная, но такой недотрога! Бывало, сижу на бордюре возле входа или тихонько бреду к дверям, и он тут как тут – трётся мордой о края камней или скамейки, а потом уляжется на спину и давай ворочаться и мурчать. Да, именно мурчать, не урчать, не мяукать, а нечто среднее – редко встречающееся у котов, но очень осмысленное. Но только я руку к нему протяну – он отшатнётся.

Сегодня он охоту устроил.... Сидела на ветке куста птичка, чуть в глубине, я её и не видел. Куст невысокий, листья светло-зелёные, а по краям белым окаймлены. Ветки обильно покрыты лохматыми кисточками, видимо, с семенами, а лохмотья как очень маленькие одуванчики.

Кот, значит, подкрался к кусту и – прыг на него. Куст зашумел, затрясся, облако пушинок вокруг него поднялось. Через мгновение всё затихло, а из-под куста, брезгливо пятясь, со слегка вздыбленным и напряженным хвостом, выполз значительно округлившийся пушистый охотник.

Птичка преспокойненько упорхнула, а кот сидел возле куста и минут пять с недовольным видом отряхивался от светло-серых пушинок: тряс мордой, водил хвостом, облизывался и отплевывался. Одновременно он встряхивал головой и издавал фырчаще-чихающие звуки, рот его при этом приоткрывался, высовывался язык, и в разные стороны разлетались брызги.

Я так и застыл с чашкой кофе в руке, уставившись на морду кота: сколько досады, сожаления и упрёка кусту отразилось на ней! Потом он с достоинством оглянулся вокруг, поискал взглядом невольных зрителей своей неловкости. Никого не заметив, кот немного успокоился и сконфуженной походкой побрёл восвояси. Поднялся и я.

УШЕЛЕЦ

С моим соседом по лестничной площадке, Андрюшкой, мы до сих пор встречаемся. Мало того, дома, в которых мы теперь живем, стоят напротив, даже этаж один и тот же – девятый, а в детстве двери квартир смотрели глазками друг на друга. Из моего окна был виден двор с качелями и песочницей, а у него вид открывался на эту сторону, на дорогу. Вон они: рамы заменены на пластиковые, модные занавески на них, но мир за ними – совершенно другой...

Иногда мы с Андрюшкой прижимались лбами к стеклу и, как настоящие охотники, выжидали, когда подъедет хлебовозка. На первом этаже дома напротив был магазин, и дверь, куда принимали товар, тоже выходила на нашу сторону.

Как только фургон с надписью "хлеб" сворачивал с дороги к магазину, мы, прыгая через две ступеньки, сбегали с шестого этажа и неслись мимо пивнушки к грузчику.

Но это было позднее, уже потом, после того, как вокруг хлебозавода вырос второй забор, а в пространство между заграждениями выпустили собак. Неужели от нас – мальчишек? Собаки были незлые, даже не гавкали, но к цеху было не пробраться.

Хлебозавод стоял далеко от дома, но нестерпимо манил запахом свежей выпечки. Подобраться к ней мы могли только в субботу вечером. На заводе в это время пустынно, и нас с другом домашние задания высиживать не заставляли. Ждали мы этого часа с нетерпением, несмотря на то, что улов предсказать было невозможно – как повезёт.

Дорога к хлебозаводу тянулась невыносимо долго. А вот и оно, это место. Ни забора, ни завода. Теперь здесь офисы и магазины...

Мы с другом, обхватив стальные прутья забора своими ручонками и прижавшись к высокому железному забору, стоим и смотрим... Стояли и смотрели. Ждали и надеялись, что грузчик откликнется на возглас Андрюшки: "Дяденька, дай хлебушка, пожалуйста!" – осмотрится вокруг и кивнет нам, если никого лишнего поблизости нет. Тогда я протисну своё тощее тельце сквозь массивные прутья забора и подбегу к нему, и он мне сунет в руки батон белого, тёплого, ароматного хлеба. Обхватив его пальчиками, прижав к груди и глотая слюнку, вернусь я, безумный от счастья, к другу, и мы, весело отрывая и запихивая в рот огромные шматки булки, двинемся в обратный путь...

Что было дальше? Время быстро пронеслось, как в репортаже о полёте на марс намибийских космонавтов...

Много лишних людей появилось. Урезали пособия, заморозили пенсионный фонд, обещая: к такому-то году – всё будет хорошо. Через десять лет: ни фонда, ни пенсий. Тогда и появился лозунг: "Впиши своё имя в историю страны!". Государству ничего не оставалось, как на волне патриотизма избавляться от тех, кто не мог казну пополнять, питать её.

Был принят закон "О праве на жизнь", дающий право распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению, а по сути – разрешающий добровольную смерть. В дополнение к этому снизили пенсионный возраст, причём условно, и стали назначать по состоянию здоровья.

Данные эти, о здоровье, собираются теперь и обрабатываются в автоматическом режиме, через тот самый вживлённый чип. Эта электронная вставка оказалась далеко не так безобидна, и, кроме "паспортных", биометрических данных, может программироваться на расстоянии, записывать мысли и даже парализовать человека при необходимости.

Когда показатели здоровья становятся ниже нормы, то человеку высылают предупреждение. Повторным письмом, если поправить здоровье или откупиться не удастся, переводят на пенсию. Дальше нужно решать: войти в историю или завянуть как овощ.

Газеты, телевидение уверяли, что общество достигло небывалых высот, свобода стала безграничной. Мне представилась треска на крючке, поющая о безграничной свободе, на хво-

сте у которых – огромный кальмар. Вот тебе и вся свобода – в выборе: быть зажаренным на углях или сгнуться в пасти кальмара.

Как это назвать? Что мне даст название, если я прожил в том же строю, в массе вполне довольных возможностью купить йогурт фирмы "А" или "Б" людей. "Оставь всё это, – говорю я себе, – ты уже принял своё последнее решение, заканчивай дело и ставь точку, не хватало ещё сорваться напоследок".

В одном, самом обнищавшем уголке страны, на месте бывшего шахтёрского городка, устроили лагерь для тех, кто решил доживать и умереть естественно, как Бог положит. Это огражденная высоким забором территория, выходить за пределы которой строго запрещается. Отремонтировали, благоустроили и заселили пятиэтажки – бывшие общежития, сиротски стоявшие после закрытия города.

Первое время здесь было вполне прилично, но через три-четыре года лагерь стал иметь вид заброшенный, отталкивающий. Лишь отдельные его части, где за территорией и домом ухаживают сами постояльцы, выделяются как маячок, сохраняя бодрость былой роскоши.

А в основном: выцветшие дома, маленькие комнаты, двухъярусные кровати, зал для коллективного просмотра телевизора, душ в сыром холодном подвале, двухразовое питание – похлёбка – сбалансированный набор витаминов и микроэлементов, чтобы жизнь в теле теплилась.

Один раз в месяц приезжает бригада чистильщиков: выгоняет всех на улицу и заливает спальни вонючей едкой смесью, потом собирает пылесосом осевшую пылью пену и опрыскивает дезодорантом. Несколько дней после их отъезда висит стойкий запах дихлофоса.

В тот же день меняют постельное бельё и верхнюю одежду. Из одежды выдают рубашки, штаны и халаты, как это было сто лет назад в больницах и санаториях, но размеров только два, унисекс: «м» и «б».

Всех, перед тем как поселить в лагерь, стригут наголо и стерилизуют, лишая возможности размножаться. Считается, что после наступления пенсионного возраста, у человека дети рождаются больные, с отклонением.

Представление о том лагере я имею очень слабое, общее, со слов тех, кто посещал своих друзей или близких и, конечно, от журналистов. Они сгущают краски, так как государству выгоднее другой вариант «доживания».

Его подчёркнуто превозносят. По телевизору каждый день показывают довольные, гордые своим выбором лица и крутят шоу "Память о тебе". В нём показывают эпизоды из воспоминаний «ушельцев» и разыгрывают призы, главный – надгробный крест из специального стекла ручной работы.

Ушельцами называют тех, кто решил поселиться в пансионате "Песня Линды". Поступок героический, это люди-легенды: пришли, оставили о себе память и сами ушли. Уходят они из жизни добровольно, не дожидаясь естественной смерти, избавляя тем самым государство от бремени социальных проблем.

Пансионат – красивое современное здание, с просторным парком и шикарным бассейном, на высоком берегу возле моря. Крики чаек, шум прибоя, громадины военных кораблей на рейде...

Люди в "Песне Линды" долго не задерживаются. По закону ушельцам отводится год, чтобы записать воспоминания, отдохнуть перед дорогой и уйти – отправиться, как говорят, в последний путь. Если передумал или не решился, то отправляют в лагерь, на «овощехранилище», как брезгливо называют это место в пансионате.

Прогуливаясь вдоль решётки, ограждающей лес от цивилизации, я силился понять, как же я тут оказался, ведь это противоестественно. Был ли у меня выбор кроме того лагеря и этого пансионата? Даже не знаю, наверно нет.

«Ладно, что уж теперь...», – думал я, стоя на высоком берегу. Так же, согласно легенде, стояла и Линда, наблюдая, как приближается корабль. На нём из долгого плавания возвращался её возлюбленный. Вдруг налетела буря, подхватила корабль и разбила о камни. Обезумев от горя, Линда взмыла чайкой над морем...

ЛИНДА

Птицей Линда улетела к месту гибели корабля, и через некоторое время оттуда взмыли уже две чайки. Легенда гласит, что её любовь спасла жениха. С тех пор они никогда не разлучались. Люди часто видели их с берега парящими высоко над волной, а своим криком они и по сей день напоминают нам о вечной жизни.

Красиво оформленная сказка привлекла в пансионат диф-паломников со всего мира, готовых платить огромные деньги, чтобы умереть цивилизованно, со смыслом, с надеждой на жизнь вечную. Имена ушельцев гравировать и пишут золотом на откосе той самой скалы, где, согласно легенде, разбился корабль.

Мало кто замечает противоречие: жених Линды разбился не по своему желанию, а по воле стихии... Всё это представление: легенду где-то откопали, закон приняли, активистов набрали, патриотическую волну подняли и... к выбору подвели. Осталось только об скалу шибануться, м-да..., а сделать это я должен – сам....

Сегодня закончил запись и отправил её в архив. Предварительно сам подчистил все размышления и эмоции, иначе этим займутся в службе соответствия, а они не церемонятся, могут вообще заблокировать доступ к моим воспоминаниям, без объяснений. На словах – они лишь проверяют, чтобы не было призывов к агрессии и откровенного разврата, но на деле – следят за политкорректностью содержания.

Слово "цензура" запретили много лет назад, поскольку оно несло идеологический оттенок и дух тоталитаризма. Теперь можно только говорить о соответствии закону и этническим нормам.

Нормы – это что-то, о чём конкретно нигде не написано, но все понимают, особенно в «Службе соответствия». Действительно, так оно и есть, у них нет специальных тестов или критериев проверки. Кодекс в «службе» не зубрят и присягу не принимают, но человек с иным мировоззрением туда просто не пройдёт, в коллектив не впишется. Как бы там ни было, но спросить за чистку воспоминаний с них некому, так как в свободный доступ воспоминания ушельца попадают только после его ухода.

На проверку отведён месяц, а если затягивается, тогда пишут, что файл повреждён и требует реставрации. Что они там делают, уж и не знаю, но через год файл появляется в сети, и всё в нём до тошноты правильно, как в сообщениях пресс-службы правительства.

Частично, воспоминания можно отправить на конкурс ещё при жизни. Так я и сделал с эпизодом охоты кота, и получил приз зрительских симпатий. На главный приз, естественно, не рассчитывал.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ

Первые места традиционно доставались воспоминаниям о борьбе за свободу и независимость, о торжественных церемониях в честь чего-нибудь государственно важного. О том, например, как выходит гражданин утром из дома: дышится легко, птички поют звонче, солнце светит ярче, на небе ни облачка, под каждым кустом свобода, все кругом улыбаются тебе и приветственно руками машут – не идёт гражданин, а парит. Начальник на работе цветы дарит, сослуживцы сами мусор выносят и пыль протирают, пылесос сосёт веселее, а тряпка моет чище. В чём дело? И тут он понимает: ведь это памятник тоталитарного прошлого снесли!

Особенно ценились воспоминания о том, как после выступления какого-нибудь религиозного активиста, когда только всё начиналось, люди преобразались и добровольно, с энтузиазмом выбирали пансионат.

Лично меня патриотические или религиозные мотивы не трогали, просто не хотелось тянуть время и претило попасть в лагерь. Потом любопытно стало – а что вспомню?

Пройдя от берега через парк, я свернул к жилому комплексу и поднялся к себе. Немного пожалел, что пошёл пешком. В преклонном возрасте, без сытного (вот бы сейчас солянки на первое, картошки с мясом на второе и компот из алычи с яблоками) и вкусного обеда подъём на шестой этаж по лестнице дался с трудом.

В пансионате трёхразовое питание – таблетки, правда – сбалансированный набор, но зато индивидуально подобранный...

Мне больше не хотелось ждать, поэтому, устроившись в мягком, удобном, обтянутом замшей кресле, я запустил программу "путь Линды". Программа через центральный компьютер сверила мои данные, протестировала меня на вменяемость, получила подтверждение на запуск и доступ к перезагрузке чипа, что вживили в меня много лет назад.

Электронная вставка, как объясняли, запрограммирована подавать сигналы, которые сперва притупят, а потом нейтрализуют способность нейронов удерживать электрический потенциал. Нейроны, как писали об этом, соединены в электрическую цепь, и по ней части моего тела общаются с мозгом, обмениваясь информацией и получая команды. Волны в этой цепи постепенно будут затухать, и я медленно погружусь в вечный сон.

Мучительным был только запуск программы, но закон "О праве на жизнь" гласил, что шаг этот должен быть абсолютно осознанным.

Программа завершила свою работу, пожелала мне "счастливого пути!" и предложила выбрать фильм для просмотра, или музыку послушать. Я решил включить тот самый эпизод, что на шоу принёс мне приз зрительских симпатий.

Дизайнеры из «Службы реставрации» славно потрудились с ним: по моим смутным ощущениям восстановили и дорисовали, как кот начинает охоту. Вот он бродит возле дома и замечает птичку на дереве. Собрался, крадётся на полусогнутых, мягко переступая, лапах. Чем ближе к кусту, тем движения его более осторожны, плавны, кажется, что дыхание замерло, взгляд застыл. Вот он подобрался, напряжился, миг, будто моргнул, и кот уже брезгливо пятится – выползает из-под куста....

ЭПИЛОГ

Я так увлечён, что перестал чувствовать тело, дыхание, в один момент показалось, что все записанные мной воспоминания ожили одновременно, и я могу переместиться в любой из эпизодов.

Вот я еду в машине. Не заехал на заправку, а свернул к дому, где провёл детство, проехал мимо пивнушки и остановился возле подъезда. Вышел из машины, захлопнул дверь и тут увидел, как к дверям магазина подъехала хлебовозка. И я инстинктивно побежал к ней.

Взрослый мужчина в тёмно-синем халате вышел из чистенького, но пошарпанного ГАЗ-52, открыл боковую створку фургона и стал выгружать хлеб. Подбежав, я остановился и с удивлением узнал отца своего старого знакомого.

– Здравствуйте!

– Привет! Как, и твоя очередь пришла? – спросил он.

– Что вы имеете в виду?

Я недоумённо смотрел вокруг, на себя, и вдруг понял, что бежал, не касаясь земли ногами, а разговариваю теперь, не разжимая рта. Я понял, почему смог свернуть с трассы, хотя никогда этого не делал при жизни...